

УДК 930.1:343.1(019)(476-2Гом):323.1(438)(=161.3):323.12(=162 1)''1920/1930''

Образ поляка в делах Гомельского ГПУ – УГБ НКВД БССР 1920-1930-х годов

А. М. КРОТОВ

В последние полтора-два десятилетия и у нас, в Беларуси, и в Польше появилось немало публикаций, авторы которых, так или иначе, затрагивают проблему восприятия белорусами поляков. Многие из них сходятся во мнении, что белорусский стереотип поляка не является классическим образцом национального стереотипа – негативного, богато и ярко эмоционально окрашенного. Более того, возникают сомнения по поводу того, можем ли мы с уверенностью утверждать, что это действительно белорусский, естественным путём сложившийся стереотип, а не позаимствованный из российской пропаганды образ поляка или ассимилированный белорусами польский автостереотип.

Белорусские источники не дают нам основания считать, что оформившийся или, тем более, – развитый белорусский стереотип поляка существовал уже в новое время. В них имеются только разрозненные его элементы, из которых со временем могла бы сложиться такая ментальная конструкция, как национальный стереотип. Но, как известно, для этого необходима благоприятная среда, которая смогла бы способствовать кристаллизации его недостающих элементов. Кроме того, процесс создания стереотипа не может активизироваться сам по себе, произвольно. Для этого необходим мощный толчок. И роль такого толчка, как показывает практика, лучше всего выполняет межнациональный конфликт.

Но в истории белорусско-польских отношений 16 – начала 20 в. не было ничего, что свидетельствовало бы о том, что белорусы и поляки находятся в состоянии межнационального конфликта. Стало быть, не было ничего, что могло бы активизировать процесс создания белорусского стереотипа поляка с более или менее выраженными негативными чертами.

Однако после возрождения независимого Польского государства и польско-советской войны 1919-1920 гг., в результате которой Польша смогла не только отстоять собственную независимость, но и существенно расширить свои восточные пределы, в том числе и за счёт Беларуси, белорусско-польская межнациональная «гармония» была нарушена. Оказавшиеся в возрождённой Польше в качестве национального меньшинства, белорусы очень быстро почувствовали себя гражданами «второго сорта». И хотя им жилось, может быть, не хуже, чем их советским братьям, осознание того, что они не являются хозяевами на собственной земле, угнетало психологически, делало восприимчивыми к большевистской пропаганде, рисовавшей Советскую Беларусь чуть ли не «раем», а «белопанскую» Польшу – «карцером народов» [1].

Установленный в БССР большевистский режим с его яростной антипольской пропагандой довольно быстро добился того, чего не мог достичь в предшествующее столетие царизм. В 20-х годах 20 века было закончено строительство образа враждебного белорусам польского государства и польского народа, отравленного ядом шовинизма и ксенофобии [2]. Выражение поляками национальной солидарности и патриотизма должно было восприниматься настоящим советским человеком как националистический, фашистский манифест, как проявление национальной вражды и антисоветизма. А красные вожди учили, что на врага надо смотреть через «прорезь прицела». Они же не позволяли ни на миг забыть, что враг находится рядом.

После заключения Рижского мира для польского национального меньшинства в Советской Беларуси настали не лучшие времена. Это поляки прекрасно осознавали. Опыт прошлого не позволял им сомневаться насчёт своего будущего. Но они и предположить не могли, что действительность окажется ужаснее самых мрачных прогнозов.

В общественном мнении царской России всегда присутствовало убеждение, что поляки представляют собой деструктивный элемент, а Царство Польское является постоянным очагом нестабильности и смуты. При этом русские политики отказывали полякам в политической самостоятельности. Их рассматривали как орудие Запада в его борьбе с Россией. Поэтому полякам отказывали и в праве считаться достойным врагом, который честно, рыцарски, сражается со своим противником, а не выступает в качестве провокатора, управляемого великими державами. В качестве альтернативного примера – как достойный, благородный противник, рассматривалась, например, Турция.

После Октябрьской революции дихотомия «Россия – Запад» не только сохранилась, но и обрела новую форму противостояния двух систем, двух «миров», двух «образов жизни». Поляки в большевистской идеологии и пропаганде выступали всё в той же роли «орудия Запада», на этот раз – буржуазного, контрреволюционного. Помощь стран Антанты Польше во время польско-советской войны 1919-1920 гг., действительно имевшая место, играла только на руку тем, кто создавал образ поляка-врага, наймита мирового империализма.

В конструировании данного образа советскими идеологами и пропагандистами активно использовались особенности традиционного восприятия белорусами поляков. С одной стороны, узнаваемость образа обывателем обеспечивала высокую степень его доверия к тем, кто его рисовал. С другой – давала возможность «образотворцам» корректировать эти элементы так, как это было необходимо, дополнять их, «правильно» расставлять акценты.

Из всех исторических источников, которые позволяют судить об этом процессе, особого внимания заслуживают протоколы допросов обвиняемых и свидетелей, составленные следователями ОГПУ – НКВД, а также обвинительные заключения по делам поляков – «врагов народа». Эти документы переносят нас из мира ментальных образов, которые мирно существуют в сознании обывателей, не являясь руководством к практическому действию в отношении того, кто признан «чужим», в кровавую действительность, когда этих «чужих», объявленных врагами, уничтожали, «растирали в лагерную пыль». Скорые и несправедливые суды (если до них вообще доходило дело), антипольские пропагандистские кампании в советской прессе, позволяют говорить о том, что образ поляка-врага выполнял, помимо основной своей политико-воспитательной, мобилизующей классовое сознание функции, также и иную – развлекательную. Советский обыватель становился равнодушным очевидцем, а иногда и соучастником зрелищ-расправ, жертвами которых становились поляки – «враги народа». Он отвлекался от насущных внутренних проблем, от раздумий над их причинами, которые неминуемо привели бы к небезопасным выводам о политике большевистской партии и советской власти. Большевики довольно быстро поняли, что травить кого-то, выбранного на роль «врага», идеологически выгодно: это отвлекает народ от внутренних проблем.

Поляки Беларуси ещё в ходе польско-советской войны поняли, что в «стране Советов» оставаться поляком будет небезопасно.

Враждебное отношение к ним белорусов стало предметом серьёзного обсуждения польской общественности ещё в канун польско-советской войны. Так, польская газета „Głos Narodu” в августе 1918 г. констатирует: «Отношение белорусского населения к польским хозяевам недоброжелательное, а вернее плохое. Ухудшилось оно ещё и по причине образования польского корпуса и вследствие желания получить компенсации за опустошения, произведённые белорусами в польских имениях» [3]. В октябре того же года польская пресса рисует уже куда более мрачную картину. Газета „Czas” пишет: «Польскость, которую не смогли уничтожить Новосильцев, Муравьёв, Клингенберг и другие преследователи нашего народа, гибнет сегодня от руки диких большевистских орд. В Лепельском и Сенском уездах, в которых эвакуация (немцев – А. К.) уже закончилась, местное население, защищая спокойствие и порядок, а в первую очередь – поляки всех слоёв, уничтожаются зверским способом. Им отрезают носы и уши, сажают на кол, закапывают живьём, а тех, кому даруют жизнь, увозят в специально созданные для этого концентрационные лагеря, в которых несчастных ждёт новая опасность убийств и насилия. Достояние культурной работы целых веков гибнет в пламени огня... Так гибнут поляки... Гибнет народное имущество» [4].

Не удивительно, что после польско-советской войны многие из белорусских поляков стремились скрыть свою национальность. Сделать это было несложно, т. к. поляки в Беларуси были серьёзно затронуты процессом ассимиляции и во многих случаях по внешним признакам уже никак не отличались от белорусов, в окружении которых жили. В отчёте Мозырьского Польшбюро за ноябрь-декабрь 1924 г., имеется, например, следующая констатация: «Около 75 % населения (округа – А. К.) – это бывшая обрусевшая польская шляхта, которая в большинстве разговаривает на белорусском языке, за исключением Кустовницкого сельсовета, где в большинстве разговорный язык польский. Александровский польский сельсовет, находящийся в близком соседстве с Советской Украиной, имеет разговорный язык украинский, на котором говорят около 95 %. Среди вышеуказанного населения, благодаря влиянию ксендзов, шляхты и кулаков, развит очень сильно польский шовинизм и религиозный фанатизм, более всего среди женщин» [5, с. 115]. Именно эти свойства польского национального характера с конца 1920-х годов белорусские поляки предпочитали не демонстрировать без особой нужды.

Тем не менее, как раз этой части и были серьёзные проблемы. В выписке из доклада Мозырьского Окротдела ГПУ по состоянию на 5-е марта 1927 г. есть тому подтверждение: «Одна старуха, уходя домой (с собрания по случаю дня Красной Армии, 23 февраля – А. К.), сказала, что польская армия является «нашей гордостью и если бы не было польской самостоятельной республики, то Советская власть не организовывала бы самостоятельных нацсельсоветов» [6, с. 149].

Так что органы следствия считали одной из своих основных задач добиться признания поляками своей национальности, что было равносильно признанию ими стандартного набора преступлений, к которым они имели «национальную предрасположенность».

Примером тому может служить дело Миткевича Станислава Феликсовича [7]. В результате отсидки в «парилке» – режимной камере, представлявшей собой находящейся в подвале цементный мешок площадью 3,75 м², куда втискивали 20-25 человек, обвиняемый сознался, что он – поляк, намеренно скрывавший свою национальность [7, л. 10]. После этого признания следователь уже, видимо, привычно вносит в дело следующее определение: «Националистически настроен, восхваляет польский народ и польское государство, постоянно в разговорах внушает, что скоро будет война с Польшей и Польша при содействии Германии победит СССР» [7, л. 25].

Фигурант другого дела – Бельский Владимир Игнатьевич, в анкете арестованного назвал себя поляком [8, л. 5]. Видимо, в принципиальных соображениях. Однако следователей всё равно интересовало, почему обвиняемый, получая паспорт, назвал себя белорусом. И хотя Бельский не назвал никаких причин, можно догадаться, что это было сделано в целях самосохранения. В протоколе допроса другого такого же, как В. И. Бельский, «врага народа» – Вераксо Франца Антоновича мы вновь сталкиваемся с подобной ситуацией. Этот обвиняемый также не смог назвать причин, которые заставили его при получении паспорта назвать себя белорусом [9, л. 7]. Хотя причина, видимо, была та же, что и в предыдущем случае.

Иногда следователи игнорировали формальности и не добивались признания обвиняемыми своего польского происхождения. Так, например, в деле Граховского Иосифа Францевича имеется анкета [10, л. 4], где обвиняемый пишет, что он – белорус. Какие-либо документы, свидетельствующие о признании им себя поляком, в деле отсутствуют. Но это всё равно не помешало в обвинительном заключении назвать Граховского И. Ф. поляком [10, л. 16], со всеми вытекающими из этого следствиями.

Разумеется, вдумчивого, добросовестного следователя не мог не интересовать вопрос о причинах сокрытия обвиняемыми своей национальности. Ведь и сегодня, при всех открытых фактах преступной деятельности «работников» ОГПУ – НКВД, «стряпавших» дела «врагов народа», нет сомнения и в том, что в их разработку попадали также и истинные враги советского государства. Среди последних и в самом деле оказывалось немало поляков.

«Польская организация войсковая» («ПОВ»), по обвинению в принадлежности к которой в 1930-х – начале 1940-х годов органы ОГПУ-НКВД фабриковали дела, действительно существовала. Она была создана в октябре 1914 г. по инициативе Ю. Пилсудского. Действо-

вала она и в Беларуси. В задачи её входили: диверсионная деятельность в тылу советских войск, сбор разведывательной информации, агитационная работа. В декабре 1918 г. «ПОВ» вошла в состав Войска Польского.

По версии же ГПУ, «ПОВ» начала формироваться в 1924 г. Под надуманным предлогом её дальнейшего, якобы, функционирования с 1933 г. по 1939 г. были арестованы тысячи и тысячи человек. Фабрикация дел «ПОВ» использовалась НКВД и для репрессий в Западной Беларуси после воссоединения её с БССР [11, с. 546-547]. Однако, несмотря на очевидную нелепость обвинений против подавляющего большинства репрессированных, вряд ли стоит сомневаться в том, что в числе арестованных и осуждённых по делам «ПОВ» действительно были лица, занимавшиеся шпионской и диверсионной деятельностью, члены подпольных вооружённых антисоветских формирований. Не надо забывать, что массовая реабилитация осуждённых по делам «ПОВ» в 1950-1990-х годах была проведена лишь на том основании, что они были осуждены внесудебными органами [11, с. 547].

Как было «установлено» спецслужбами, особую роль в деятельности «ПОВ» играли священники римско-католической церкви. Ксендзы, пользовавшиеся большим авторитетом среди польского и, частично, белорусского населения, как нельзя больше подходили на роль руководителей антисоветского подполья. И хотя бы некоторые из них накануне и во время польско-советской войны действительно были членами «ПОВ». На такую роль, например, подходит ксендз Чирский Франц Фомич, который признался на допросе, что вступил в «ПОВ» в первой половине 1920 г. и всемерно использовал костёл для того, чтобы «уберечь молодёжь от советского влияния и воспитать ... в национально-патриотическом и религиозном духе, привить ей любовь к Польше...» [12].

Не должно быть сомнения и в том, что польская разведка регулярно забрасывала на советскую территорию свою агентуру, причем, как и советская – на территорию Польши. И заброшенные агенты время от времени попадали в сети ЧК – ГПУ. Так, например, в сентябре 1923 г. в здании Могилёвского городского театра был схвачен некто Карчмарек Игнатий Владимирович, 1883 года рождения, уроженец Ленчицкого уезда Калишской губернии. На допросе он сообщил, что выполнял пробное задание II отд. Генерального штаба Войска Польского по изучению «настроения населения, касающегося поляков». Он подробно рассказал, каким образом перешёл польско-советскую границу, как обзавёлся учётной воинской книжкой на чужое имя и т. д. [13, л. 24-25].

Впоследствии, когда поиски «врагов народа» приняли куда более широкие масштабы, появились шаблоны, которые являли собой утрированное подобие уголовных дел начала 1920-х годов, фигурантами которых были истинные участники боёв с Красной Армией – солдаты Войска Польского или балаховцы, а также агенты польской разведки, схваченные с поличным на советской территории.

В 1930-х годах найти таких людей было практически невыполнимой задачей. Дела стали «стряпать» буквально «из ничего». Но после воссоединения Беларуси в сентябре 1939 г. у следователей НКВД появился обширный «фронт» работы с бывшими (истинными и мнимыми) участниками боёв с Красной Армией из числа польских осадников, перебежчиками и т. д.

Во время польско-советской войны 1919-1920 гг., как правило, эти люди были весьма молоды, никаких стойких политических убеждений не имели, и потому к участию в классовой борьбе, пролетарской революции или, наоборот, – в контрреволюции, не были предрасположены. К борьбе с большевиками, если они действительно её вели, их толкала не классовая неприязнь, а польский патриотизм и связанная с ним ненависть к России, вне зависимости от того, «красная» она или «белая».

Очень показательным в этой связи является дело Богинского Адама Иосифовича [14], «активного борца против советской власти», имевшего «...от польского государства награду – медаль и осадку» [14, л. 83]. Из него выясняется, что во время польского наступления на Петриковщине Богинский благоразумно скрывался в лесу. Потом, когда перестали звучать выстрелы, он решил пойти в г. Петриков, в костёл. Придя в город, он пообщался с польскими солдатами, был ими накормлен, морально приободрён и, порядка ради, сдан в дефензиву. Там его не сочли подозрительным и отпустили, напомнив, что долг каждого поляка – сра-

жаться за свою Родину. Затем он побывал на службе в костёле и увидел состоявшийся после неё парад польских солдат. Был впечатлён. В душу молодого поляка глубоко запали слова ксендза, благословившего польских воинов, заклеившего позором советскую власть и «большевиков-убийц». Ещё более понравилась Богинскому патриотическая речь польского офицера. В результате у молодого поляка появилось желание служить в польской армии и он записался в неё добровольцем [14, л. 18].

Вряд ли эта история была плодом вымысла самого обвиняемого – уж очень прозаическим и искренним было его дальнейшее повествование о себе. Вряд ли и следовательно приходилось изощряться: слишком серьёзные аргументы изначально были в пользу обвинения («медаль и осада»). Потому можно вполне серьёзно относиться к материалам данного уголовного дела. Тот факт, что у следователя, который вёл протокол допроса обвиняемого, не возникло желания иронизировать по поводу внезапного пробуждения у А. И. Богинского патриотического чувства, красноречиво свидетельствует о том, что даже такие неромантические (во всяком случае – во время исполнения ими своих служебных обязанностей) особы, как следователи НКВД, признавали наличие у поляков такого национального качества, как патриотизм. Согласно принципам большевистской дедукции, любой поляк, в любой располагающий к тому момент времени мог поддаваться влиянию патриотического порыва, подобного тому, который заставил А. И. Богинского добровольно вступить в Войско Польское и встать на защиту Отечества, польского народа, его интересов и идеалов. Потому было логично каждого поляка воспринимать как потенциального врага советского государства и советского народа.

Материалы дел обвиняемых в антисоветской деятельности поляков не лишней раз доказывают, что это были достаточно образованные, интеллектуально развитые люди. Во всяком случае, достаточно развитые для того, чтобы не верить бездумно большевистской пропаганде и, самостоятельно анализируя жизнь страны Советов и международную обстановку (даже воспринимая её в искажённом советскими средствами массовой информации и пропаганды свете), приходиться к небезопасным для того времени умозаключениям. Так, например, в деле по обвинению некоего Василия Леонардовича Пржевальского в шпионско-вредительской деятельности [15] характеризуется помощник паровозного машиниста депо ст. Жлобин Липский Иосиф Брониславович, который, якобы, и вовлёк Пржевальского в эту деятельность: «Липский... всегда восхвалял жизнь в Польше, говорил, что в Польше хорошо живётся, что там всё дёшево, всё можно достать, что там нет никаких притеснений нациям. ...Отмечал Польшу, как высококультурную страну, что польское государство пользуется большим уважением у всех крупных государств (таких – А. К.), как Германия, Англия и ряд других. ...Заявлял, что русский народ не в состоянии управлять государством, что это есть самый некультурный народ. Коммунистов называл предателями народа, (говорил – А. К.), что они ведут страну к неминуемой гибели, приводил примеры о тех трудностях, которые имелись в стране, в особенности в продовольственном снабжении, (утверждал – А. К.), что благодаря предательской роли большевиков народ в России вымирает» [15, л. 27].

Фигурант другого уголовного дела (по обвинению Кундо Владислава Игнатьевича и др. в контрреволюционной, националистической деятельности) [16], Ядловский Михаил Фердинандович, позволял себе высказывать вслух суждения ещё более высокого аналитического уровня. Этот «политобозреватель» осенью 1935 г. по вопросу продажи КВЖД сказал: «Советская власть боится – отдали КВЖД задаром и Беларусь отдадут без боя, как отдали железную дорогу, потому что за советскую власть драться никто не пойдёт. Япония совместно с Германией пойдут против Советского Союза. Япония начнёт там, а Германия с Польшей здесь, займут Украину и Беларусь. В Беларуси будут поляки, а на Украине – немцы. Япония отрежет Дальний Восток и Сибирь. Советская власть останется с одной Москвой» [16, л. 250-251].

Разумеется, высказывать такие мысли вслух в обществе, которое стало утрачивать элементарные представления о человеческой порядочности, в обществе, в котором царил дух доносительства, было крайне неосмотрительным. Вот, например, свидетель по делу Гомельского филиала «ПОВ», инспирированному в 1933 г., Громыко Григорий Иванович (председатель колхоза «Новая жизнь» Рудня-Столбунского с/с., дер. Рудня-Столбунская) сообщает о Гулевиче Александре Константиновиче – одном из многочисленных обвиняемых по этому

делу: «В ноябре 1932 г. ездил совместно с Гулевичем А. К. в г. Ветку, где у нас был разговор о нации, о костёлах, где Гулевич говорил: «Я, человек бывалый, везде был, и в Америке побыв и лучше польской нации я не встречал, народ очень справедливый...» [17, л. 182]. Его националистические, в трактовке следователей, высказывания, сопровождались антисоветскими выпадами. Так, Гулевич Франц Егорович, другой свидетель по этому же делу, доносит: «Гулевич Александр в присутствии колхозников говорил: «Работать-то мы работаем в колхозе, но что толку с этого, что мы получили за наши трудовни? Всё отдадут государству, а нам что останется? Голодную смерть нам не миновать» [17, л. 184]. Этот же свидетель доносит на ещё одного своего однофамильца: «Гулевич Иван Павлович в ноябре 1932 г. в присутствии крестьян-колхозников говорил: «Из ваших колхозов выйдет то, что на Украине. Там забрали всё во всех колхозах для государства и теперь разбежались кто куда и нам, наверное, придётся разбежаться, ибо так жизнь нетерпима, ходим голые, босые, голодные. Колхозы построены для того, чтобы всё забрать для государства» [17, л. 184].

Материалы многих уголовных дел наводят на мысль, что поляки довольно часто вели себя подобным опрометчивым образом, видимо, стремясь соответствовать на деле лозунгу, знакомому каждому советскому ребёнку по его первой книжке – Букварю: «Мы – не рабы, рабы – не мы!». Причём куда больше мужчин-поляков в этом деле проявили себя женщины-польки. Они, как правило, не вдавались в политику, а просто на бытовом уровне демонстрировали своё культурное превосходство на «русскими», обуславливая его при этом своей принадлежностью к польской нации.

Так, например, в деле Д. 18385-с [16] фигурируют как обвиняемые Щуко Альбина Викентьевна (1907 г. рожд., уроженка г. Пинска) и Фальковская Анна Станиславовна (1904 г. рожд., уроженка г. Гомеля). Обе дали показания друг на друга. А. С. Фальковская сообщила на допросе: «Щуко Альбина высказывала ненависть к русским и считала их очень грубыми. Одновременно защищала поляков и эту национальность она считала выше остальных» [16, л. 18]. Ставила в пример Фальковской, старшая сестра которой вышла замуж за русского, то, что она вышла замуж за поляка: «Вот я вышла замуж ни за кого бы то ни было, но за поляка – это своя, польская кровь» [16, л. 19].

А. В. Щуко была более многословна: «Фальковская как польская патриотка всегда старалась держать себя выше всего... и унижать остальные нации. Однажды, в 1926 г., в старом клубе Ленина она во время танцев высказала: «Пусть русские смотрят, как поляки танцуют, только поляки могут культурно жить и чисто одеваться, а русские никогда так не будут жить, как поляки» [16, л. 130]. В показаниях других фигурантов дела имелись примерно такие же примеры национального высокомерия Фальковской. Это позволило следователю резюмировать: «Фальковская Анна за весь период нахождения на указанной выше работе (переработочный пункт – А. К.) проводила работу по созданию национальной розни между поляками и русскими. К последним относилась враждебно и с презрением, называла русских «хаммами» и даже не хотела с ними разговаривать, считая недостойным для поляка быть в близких отношениях с русскими. Нацию польскую Фальковская считает выше всего... Такое поведение Фальковской ... по отношению к русским ... было видно для каждого рабочего переработочного пункта» [16, л. 265].

Судя по материалам дела, собираясь вместе, женщины (да, видимо, и не одни они) не стеснялись в выражении патриотических чувств. Так, А. В. Щуко сообщает: «Когда пили, то произносили тосты: «Пусть живёт наша Польша, пусть живёт наш польский кружок» [16, л. 126]. Пели песни, например, – «День крови и славы»: *«Сегодня день крови и славы, .../ Орёл белый, смотря в небо, полетел. / Кто умирает, вольным будет, / А кто умер – вольный давно. / Припев: / Эй, кто поляк, на пулемёты! / Живи свободно, Польша, живи! / Таким пламенем восторженным / Труба наша врагам гремит. / Пройдём Вислу, пройдем границу, / Будем все поляками, / Дал нам пример пан Костюшко, / Как побеждать умеем»* [16, л. 125] (сохранён оригинальный текст протокола – А. К.).

Бывало, конечно, и поляки позволяли себе отходить от свойственных им рассуждений о культурном превосходстве поляков над «русскими» и влезать в сферу политики. Например, очередной свидетель по делу о «ПОВ» сообщал о некоей Соболевской, которая жила в

Польше у мужа с 1921/1922 г. по 1927 г.: «Соболевская рассказывала весной 1933 г., что в Польше живётся хорошо, всего много, и нет никаких трудностей, как здесь, а у нас всё дорого, хлеба нет, страшная дороговизна...» [18, л. 166]. Разумеется, до «высокой политики» умозаключениям Соболевской было далеко. Это были не более чем констатации очевидных отличий в жизни обывателей двух стран. Им было далеко до «антисоветчины», которую позволял себе другой фигурант этого же дела – С. А. Желток. Закржевский Леон Игнатьевич, крестьянин-единоличник д. Сеножатки, на допросе сообщил, что Желток Станислав Александрович в беседе с ним о трудностях и тяжёлой жизни польского населения при советской власти сказал: «Все буржуазные государства усиленно готовятся к войне против Советской России. Война должна быть в ближайшее время, причём в первую очередь с большевиками будут воевать поляки, поэтому и нам не нужно спать, мы уже сейчас должны готовиться. Мы, трудящиеся поляки, должны помочь польским войскам с тем, чтобы последним было легче захватить Белоруссию, и тогда мы скорее освободимся от ига большевиков. Нужно раз и навсегда понять, что так жить дальше нельзя, ибо с каждым годом наше положение всё ухудшается. Большевики, чем дальше – всё больше нас угнетают, и мы, как покорные овцы, им подчиняемся...» [18, л. 136].

И хотя в данном случае не уточняется, в чём именно проявилось ухудшение жизни поляков в БССР, отдельные свидетельства этого ухудшения можно найти без особого труда. Так, например, в протоколе допроса свидетеля Карпашевича Иосифа Ивановича идёт речь о заведующем польской школой им. Каспржака и интернате при школе Нае, а также его жене, которая руководила драмкружком при данной школе и заведовала польским сектором Гомельской центральной библиотеки. Сам Най административными обязанностями не ограничивался и преподавал польский язык и литературу.

Свидетель даёт именно такую оценку деятельности Нае, которая позволила бы ему зарекомендовать себя лояльным к советской власти человеком, правильно понимающим политику большевистской партии, и, тем самым, избежать опасности быть переквалифицированным из «свидетеля» в «обвиняемого». Он сообщает: «Воспитание в школе велось в националистическом духе, вместо нашего (т. е. советского – А. К.) воспитания ученикам прививались патриотические, националистические чувства... Дети (большая их часть) чаще бывали в костёле, чем на безбожных собраниях. Школьная библиотека засорена националистической литературой... Национализм Нае, как я теперь думаю, прорывался в таких, например, выражениях: «Здесь собрались поляки, значит, надо говорить по-польски» [17, л. 191-193].

А ведь на заре советской власти в Беларуси отношение к национально-культурным интересам польского меньшинства было совсем иным. В циркуляре «Всем Уотнаробразам» 1919 г., например, говорилось о том, что в среде польского населения (прифронтной полосы Гомельской губернии – А. К.), находящегося под опекой и непосредственным влиянием ксендзов и кое-где оставшейся шляхты, царят косность, пошлость, невежество и отсталость» [19, с. 72]. Рекомендовалось потому обратить самое серьёзное внимание на работу с этим населением, с целью выработки у него «определённого коммунистического мировоззрения» [19, с. 72]. Польско-советская война, однако, показала, что «коммунистическое мировоззрение» вовсе не мешает полякам быть польскими патриотами.

В 1923 г. руководящие лица Агитпропотделом ЦК РКП и Польшюро ЦК РКП всё ещё терпеливо разъясняли партийцам на местах, что сильный национализм польского населения питается воспоминаниями о национальном гнёте царской России, что его клерикализм выращен гонениями царского правительства и католическими ксендзами, которые являются проводниками просвещения и культуры на польском языке [20, с. 91]. Они рекомендовали наглядно показывать, что советская власть не является исключительно русской властью. Отчётливо понимая, насколько дорожит польское население польскими школами, библиотеками и вообще культурно-просветительским делом, призывали обратить серьёзное внимание на развитие культурно-просветительского дела на польском языке. При этом признавалось, что польское население «в течение десятилетий преследований научилось нелегально добывать просвещение на родном языке». Фактически признавалось и то, что и без внимания советской власти польское просвещение не зачахнет. Но предполагалось, что уравнение в пра-

вах польских советских школ со школами на других языках явится главным стимулом советизации польского населения [20, с. 91].

В конце 1920-х, а тем более в 1930-х годах ситуация была уже совсем иной. Но об этих изменениях, судя по всему, поляки объективно судить не хотели или, что ещё хуже, – не могли. Трепетно относясь только лишь к собственному праву на свободное национально-культурное самовыражение и развитие, они, видимо, просто не замечали того, что в Советской Беларуси представители титульной нации имели по этой же части не меньшие проблемы. И, скорее всего, не хотели замечать! Как показывают материалы изученных дел, для поляков никаких белорусов не существовало – их окружали только «русские». В данной связи уместно привести цитату из издававшегося в 1921-1922 гг. в Вильне еженедельника «Беларускі зван»: «Поляки... никого и ничего, кроме поляков и польскости, вокруг себя не видят. Евреев они за людей не считают. Литовцев мало – их можно задушить. А белорусы – это выдумка. Их никогда не было, и нет» [21, с. 1]. Впрочем, поляки не были исключением – для следователей ОГПУ и НКВД белорусов, видимо, также не существовало. В данном случае они говорили с подследственными поляками «на одном языке», прекрасно друг друга понимая.

Таким образом, изучение следственных материалов Гомельского ГПУ – УГБ НКВД 1920-1930-х годов позволяет утверждать, что элементы традиционного восприятия белорусами поляков, белорусского их стереотипа, выявлявшиеся в показаниях свидетелей и обвиняемых, использовались следователями органов государственной безопасности при формулировании ими обвинительных заключений. В трактовке «чекистов» зафиксированные в данном стереотипе качества польского национального характера выглядели уже вполне антисоветскими: патриотизм – как национализм, этническая солидарность – как шовинизм, свобомыслие – как контрреволюционность, осознание причастности к европейской культуре – как готовность продаться буржуазному Западу. Материалы спецслужб, хотя и имели предвзятый характер, зачастую становились фактической основой для дальнейшей их пропагандистской «доработки» журналистами и разного рода политинформаторами, «обогащавшими» белорусский стереотип поляка ярко выраженными негативными чертами.

Abstract. The image of a Pole, who created the investigators Gomel SPD – SSD of PCIA in the 1920s-1930s, is considered in the article. The relationship with Byelorussian stereotype of a Pole is shown. It is proved that state security officers used some elements for making the image of the enemy - a polish nationalist, chauvinist, counter-revolutionary.

Литература

- 1 Карцер народов // Звезда. – 1923. – 29 апреля. – С. 1.
- 2 Кротаў, А. М. Вобраз Польшчы і палякаў у беларускім перыядычным друку 1920 – 1929 гадоў: аўтарэф. дыс...на суіск. вуч. ступ. канд. гіст. навук / А. М. Кротаў; БДУ. – Мн., 1997. – 21 с.
- 3 Archiwum Akt Nowych (AAN). – Plik 100. – Dział L. V. U. II. 2b. – L. 484.
- 4 AAN. – Plik 100. – Dział L. V. U. II. 2/2. – L. 280.
- 5 Отчёт Мозырьского Польбюро за ноябрь и декабрь месяцы 1924 г. // Лебедев, А. Коетёл и власть на Гомельщине (20 – 30-е годы XX в.) / А. Лебедев, В. Пичуков, кс. С. Лясковски. – Варшава-Люблин-Гомель: Институт национальной памяти – Институт Центрально-Восточной Европы, 2009. – С. 115-116.
- 6 Выписка из доклада Мозырьского Окротдела ГПУ БЕЛ по состоянию на 5-е марта 1927 г. // Лебедев, А., Пичуков, В., кс. Лясковски С. Указ. соч. – С. 148-149.
- 7 Архив Управления КГБ Республики Беларусь по Гомельской области (АУКГБРБГО). – Д. 6755-с.
- 8 АУКГБРБГО. – Д. 15884-с.
- 9 АУКГБРБГО. – Д. 11766-с.
- 10 АУКГБРБГО. – Д. 7898-с.

- 11 Біч, М. Польская арганізацыя вайсковая / М. Біч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 5. / Беларус. Энцыкл; Рэдкал.: Г. Г. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш. – Мн.: БелЭн, 1999. – С. 546-547.
- 12 Протокол допроса 1937 г. ноября 16 дня Чирского Франца Фомича // Лебедев, А., Пичуков, В., кс. Лясковски, С. Указ. соч. – С. 390-391.
- 13 АУКГБРБГО. – Д. 8756.
- 14 АУКГБРБГО. – Д. 20007-с.
- 15 АУКГБРБГО. – Д. 15047-с.
- 16 АУКГБРБГО. – Д. 18385-с.
- 17 АУКГБРБГО. – Д. 2870-с. – Т. 10.
- 18 АУКГБРБГО. – Д. 2870-с. – Т. 6.
- 19 Всем УОТНАРОБРАЗАМ // Лебедев, А., Пичуков, В., кс. Лясковски С. Указ. соч. – С. 72.
- 20 Зав. Агитпропом Гомельского Губкома в Польское Бюро // Лебедев, А., Пичуков, В., кс. Лясковски, С. Указ. соч. – С. 91.
- 21 Вільня, 17 красавіка 1921 г. // Беларускі Звон. – 1921. № 4. – С. 1-2.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 21.01.10

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ